

Когда Линь Хуань очнулся, голова раскалывалась от нестерпимой боли. Он открыл глаза и, увидев обветшалую лачугу, понял, что так никуда и не делся.

Стоило ладони коснуться жестких деревянных досок, как он ощутил нечто странное. Да, то, что раньше казалось недостижимым, теперь обрело плоть и кровь. Он попробовал пошевелить пальцами, огляделся по сторонам — нет сомнений, он по-прежнему в семье Линь.

С трудом подняв руку, он увидел на ней — руке, которая ему совсем не принадлежала, — полосы синяков и кровоподтеков. Линь Хуань был поражен: это были руки паренька Хуаня. Неужели он... возродился в теле Хуаня?

Место на голове, куда пришелся удар, все еще ныло. В памяти всплывали чужие воспоминания, а в глубине души отозвался вихрь сложных эмоций: горечь, страх, гнев и, превыше всего, полное отрешение. Линь Хуань понял: это были последние чувства, оставленные прежним владельцем тела. Он молчал, глубоко сочувствуя пареньку, но в то же время не мог не злиться на него за то, что тот просто ушел, оставив весь этот хаос ему.

Погрузившись в воспоминания Хуаня, Линь Хуань почувствовал, как сердце становится тяжелее. С самого детства в этом доме паренька не ценили и не любили, сваливая на него всю грязную и тяжелую работу, пока он перебивался с хлеба на воду. И это было еще полбеды — куда чаще ему приходилось терпеть издевки, насмешки, побои и ругань со стороны домочадцев.

— Успокойся, — прошептал Линь Хуань, закрыв глаза. — Я не позволю им торжествовать. Все страдания, что они тебе причинили, я верну им с лихвой.

Он чувствовал, что Хуань все еще цеплялся за жизнь из-за обиды и несбывшихся желаний, но его обещание принесло душе покой. Вскоре чужие мысли начали угасать, пока в сознании не воцарилась тишина. Линь Хуань полностью подчинил себе тело — остатки души прежнего владельца ушли навсегда.

Сельские жители вроде них худо-бедно разбирались в целебных травах. При мелких недугах звать лекаря было накладно, поэтому люди часто сами собирали снадобья в горах и варили отвары.

Несмотря на боль во всем теле, Линь Хуань собирался подняться и поискать еды, как вдруг скрипнула покосившаяся дверь, и в проеме показалась лохматая голова.

В дом проскользнул мальчишка с пустой миской в руках. Он протянул её Линь Хуаню:

— Брат Хуань, это мама сварила для тебя целебный отвар. Выпей скорее, и болезнь отступит.

Линь Хуань узнал в пришедшем Ли Ху-цзы, младшего сына Тетушки Ли, что жила по соседству. Мальчику было лет восемь-девять, он выглядел щуплым, но глаза его светились живостью.

Тетушка Ли... Линь Хуань на мгновение задумался, и в памяти всплыли воспоминания. Тетушка искренне сочувствовала Хуаню и часто тайком подкармливала его, когда тот голодал. Хотя семья Линь и не была богатой, то, что Тетушка Ли делилась с ним последним куском хлеба, заставляло Линь Хуаня чувствовать глубокую благодарность.

Нынешний инцидент наделал немало шума. Семья Линь пыталась скрыть случившееся, но от зорких глаз соседки ничего не утаишь. Когда Хуань ударился виском о край стола и начал терять сознание, Линь Чжи'эр перепугалась, а Линь Чжоу-ши лишь обругала его, приказала затащить в комнату и бросила там. Тетушка Ли видела, что происходит, и не раз пыталась вразумить Линь Чжоу-ши, напоминая, что Хуань — её родной сын. Но та лишь осыпала её бранью или срывала злость на самом пареньке. В конце концов, Тетушка Ли перестала лезть в чужие дела, боясь сделать хуже, но тайком продолжала присматривать за больным.

Ли Ху-цзы, увидев, что Линь Хуань выпил лекарство, широко улыбнулся. Достав из-за пазухи лепешку размером с ладонь, он прошептал, сглатывая слюну:

— Брат Хуань, мама спрятала это для тебя. Ешь быстрее, пока твои домашние не увидели.

Линь Хуань был растроган. Доброту этой семьи он запомнит навсегда. Его желудок, который сейчас скручивало от голода, не мог устоять перед таким искушением. Он принялся жадно жевать лепешку и невнятно пробормотал:

— Ху-цзы, спасибо тебе.

Ли Ху-цзы расплылся в улыбке:

— Брат Хуань самый добрый, поэтому и я хочу быть к тебе добрым.

Линь Хуань потрепал его по голове, чувствуя, как сжимается сердце. Как бы ни сложилась его дальнейшая жизнь, этот долг он обязательно вернет.

— Окаянный выродок! Если собрался помирать, так помирай быстрее! Лежит тут, словно обуза, только и ждет, чтобы его обслуживали! — раздались снаружи пронзительные крики. Голос Линь Чжоу-ши ни с чьим было не спутать.

Послышался голос отца Хуаня, полный раздражения:

— Хватит уже. Хуань и так при смерти, ты же мать, в конце концов. Ладно, не хочешь звать лекаря, но сварить ему каши — это ведь не великий труд?

— А что ты от меня хочешь? — огрызнулась Линь Чжоу-ши. — Я нашла ему хорошую партию, чтобы он горя не знал, ел досыта! А он что? Устроил тут спектакль с самоубийством. Как по мне, так пусть этот паразит сдохнет, в доме хоть одним ртом меньше станет.

— Мама, не говори так, — встряла Линь Чжи'эр. — Если Хуань умрет, как мы объяснимся с

господином Ли? Мы ведь уже взяли деньги. Если он исчезнет, мы останемся ни с чем и все наши старания пойдут прахом.

Линь Чжоу-ши, видимо, прислушалась к словам дочери, потому что вскоре загремела посудой и, ворча, вынесла миску жиденькой, пустой каши.

Она еще не успела договорить, как дверь распахнулась, и на пороге появился Линь Хуань, опираясь на дверной косяк. Его хижина, слепленная в углу двора, была даже хуже, чем обычный сарай, и продувалась всеми ветрами. Увидев мрачный взгляд Линь Хуаня, Линь Чжоу-ши от неожиданности попятилась.

Опомнившись и осознав, что только что выставила себя в дурном свете, она ткнула в него пальцем и закричала:

— А я говорила, что этот выродец так просто не сдохнет! Наверняка давно очнулся и бездельничает в своей конуре! Вечно ты только и знаешь, что жрать да лениться...

Линь Хуань холодно усмехнулся. Он выхватил из её рук миску и залпом выпил кашу. Хотя в ней почти не было риса, его измученный голодом желудок был рад хоть чему-то. Швырнув пустую миску обратно в руки ошарашенной женщины, он молча зашел внутрь и захлопнул дверь.

С нынешними силами он не мог бросить прямой вызов, но дайте ему немного времени, и он окрепнет достаточно, чтобы поквитаться с этой семейкой.

Линь Чжоу-ши опешила от такой дерзости.

— Ах ты паршивец! Оперился, значит? Решил мне двери перед носом закрывать? Ешь мой хлеб, живешь в моем доме, а теперь еще и огрызаешься!

Линь Хуань не отвечал, позволяя ей бесноваться снаружи. Лишь когда Старец Линь прикрикнул на неё, требуя замолчать и не позорить семью перед соседями, она неохотно утихла.

Тем временем Линь Ли-ши, старшая невестка, недовольно проворчала:

— Что за дела? Третий брат уже сколько дней лежит, а работы в доме невпроворот. Одежда не стирана, дров нет. Он-то прохлаждается, а нам теперь за ним прислуживать...

Она сама не ожидала, что за те несколько дней, что она гостила у своих родителей, в доме Линь произойдет такое. Рядом стоящий Линь Пин дернул жену за рукав, призывая не подливать масла в огонь. Но та лишь дернула плечом:

— Что ты меня тянешь? Я правду говорю! Что, в семье Линь теперь и слова сказать нельзя?

Вся работа, о которой говорила Линь Ли-ши, раньше лежала на плечах Линь Хуаня. Теперь,

когда он слег, дел у неё прибавилось, а мужчины были заняты в поле. Линь Ли-ши была крайне недовольна тем, что ей приходится переделывать всё самой.

— Ладно, ладно, вернусь вечером и нарублю дров, — попытался сгладить углы Линь Пин.

— Кто сказал, что ты должен это делать? У нас что, нахлебников в доме мало? — Линь Ли-ши выразительно посмотрела на Линь Чжи'эр.

Если бы не её подстрекательства, разве случилось бы всё это с младшим братом? Ей было плевать на последствия, она считала, что тот, кто заварил эту кашу, тот пусть её и расхлебывает. Линь Чжи'эр прекрасно поняла намек и разозлилась, но сегодня она не хотела лишних конфликтов. Хмыкнув, она отвернулась. Как только она удачно выйдет замуж и выберется в люди, эта невестка ей и в подметки не будет годиться — еще приползет просить о помощи. Поэтому сейчас нельзя допустить ни одной ошибки.

Линь Ли-ши была удивлена: неужели Линь Чжи'эр переменилась? Раньше та за словом в карман не лезла, а тут — промолчала.

<http://bllate.org/book/20999/2135040>